

A movie poster featuring a man in a grey t-shirt holding a handgun, seen from behind, and a woman with long red hair in the foreground. The background is a dark, industrial setting with pipes and a barred window.

АНАСТАСИЯ ШЕРР

БЕСПРИЗОРНИЦА

ТЕБЕ НЕ СБЕЖАТЬ...

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастасия Шерр
Беспризорница
Серия «Криминальная сага»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42610389

SelfPub; 2021

Аннотация

Всё, что я видела в своей жизни – грязь, побои, голод. Всё, к чему стремлюсь – выжить. Правда, последнее становится почти невозможным, когда влюбляешься в плохого дяденьку, для которого ты всего лишь грязь под ногами. В оформлении обложки использовано изображение с сайта Shutterstock.

Содержит нецензурную брань.

Анастасия Шерр

Беспризорница

Лихие 90-е... Одна из самых страшных эпох, потери которой сравнимы с потерями во время гражданской войны.

Чеченский конфликт, криминальные разборки, проституция и стаи озлобленных малолеток-беспризорников.

Но даже в то страшное время было место для любви. Крышесносной и сумасшедшей, больной и болезненной. Любви нищей бродяжки к криминальному авторитету, для которого такие, как она – пыль.

Знакомьтесь! Екатерина Семечкина, она же Катька-проныра – девочка с улицы, оборванка, воришка. Эта сложная, временами жёсткая история о ней, маленькой беспризорнице, полюбившей бандита.

За идею и поддержку благодарю Бестужеву Галину.

ГЛАВА 1

1992 год

– Реще, бля, шевели копытами! Они рядом уже! – визжал Сенька, ловко петляя босыми ногами и перепрыгивая осколки от разбитых бутылок. – Давай, Катька! Давай! Ну чё ты тащишься?!

Я и правда старалась. Только, в отличие от Сеньки была загружена под завязку. У него всего-то парочка булок с изюмом да буханка хлеба, уместившихся за пазухой. Мне же не

удалось добраться до лотка с выпечкой, а потому схватила шерстяное одеяло у старухи. Одеяло, сволочь, огромное и тяжёлое, но бросить жалко. Это же за сколько его продать можно будет? Можно, конечно, и себе оставить, да в первую же ночь и сопрут. Ещё и придушить могут.

– Бля, брось его на хер, дура! – Сенька уже перемахнул через забор, а я резко затормозила, заскользив по грязи.

Мне самой-то через этот забор не перелезть, а с одеялом и подавно...

– Вон они! Лови, крысёнышей! – из-за угла появились три мужика с рынка, бегущих к нам чуть ли не с факелами и вилами.

Уроды. Лучше бы делом занимались. К примеру, вытаскивали бы страну из задницы. Да только не до этого им. Проще ведь в своих проблемах и нищете обвинить малолеток. Их и поколотить можно безнаказанно. Если это мудачье меня догонит, то отобьют все почки и сломают рёбра, а последние и так побаливают после прошлого раза, когда я зацепилась курткой за забор и на нём повисла. Думала, убьют к хренам собачьим. Обошлось. Но не факт, что сейчас пожалеют. Тут уж как повезёт. Наша жизнь – рулетка.

– Бросай! Давай же! – Сенька уже готов был рвануть, но не мог меня оставить.

Нет, не потому, что наша дружба настолько сильна и его совесть сожрёт, случись чего со мной. В этом мире каждый за себя и плевать всем на ближнего. Всё дело в том, что у

меня в кармане мелочь, которую мы вместе наклянчили у перехода. Так бы уже давно Сенькины голые пятки сверкали вдалеке.

Я задумалась на пару секунд. Вряд ли успею перелезть через забор, даже если скину трофей. Да и не для того я со злощей бабкой за него дралась, чтобы вот так бросить.

– А, ну тебя! – Семён, сука, махнул рукой и юркнул в кусты. Ссыкло, блин!

Мне не осталось ничего, кроме как бежать обратно. Да только куда? Как прошмыгнуть мимо этих сволочей и целой остаться?

– А-ну, попробуй догони урод жирный! – завопила приближающемуся мужику с палкой, которой он обещал отходить меня по башке и бросилась ему навстречу, обняв одеяло, словно оно сможет меня спасти.

Мужики от неожиданности затормозили, а я, ухмыльнувшись, резко рванула в сторону и прямым мимо них.

– Отсосите, козлы!

Над головой просвистела та самая палка и я драпанула так, что беги за мной сам Сенька, не догнал бы.

Правда, так везло не всегда. Обычно всё происходило с точностью до наоборот. Так уж повелось, что нас, беспризорников, никто не жалеет и при любой мало-мальской возможности пинают от души.

Другое дело домашние «цветы жизни». Их любят, их конфетками угощают. Особенно бабули на рынке. Те самые ба-

були, что сегодня бросали в нас протухшие помидоры и орали матом.

– Мать твою, Катька, бля! Я думал, тебя палками забили! – увидев меня в «хате», хромающую в обнимку с испачканным в грязи одеялом, Сенька, мягко говоря, охренел. – А бабки где?

– Где, где? В Караганде! С крысами не делюсь! – хотелось вмазать полудурку, бросившему меня одну в том тупике.

Окажись я чуть медленнее, а мужики попроторней – не вернулась бы сейчас обратно. Скорее всего, валялась бы в какой-нибудь луже со сломанным позвоночником.

– Э-э-э! Ты это... Не борзей, поняла, прыныра? Я чё, виноват, что ты мелкая выросла, через забор не перепрыгнешь?

Ну, тут он прав, конечно. С моим ростом особо не поскачешь. Зато я пролезаю в такие щели, где даже кошка не протиснется.

– Ладно, на свои бабки, – швырнула ему его долю и потащила одеяло к своему матрасу.

Да и наплевать, что сопрут. Хоть одну ночь посплю в относительно тепле. Если б ещё матрас нормальный был, а то одна тряпка от него осталась. Впрочем, похвастаться постельным тут никто не мог. Все на своих лохмотьях спали или же на проссаной подстилке, что некогда была периной какого-нибудь старика, а после его смерти угодила на помойку.

– Жрать хочешь? – Сенька, похоже, решил искупить свою

вину и протянул мне булку, которую спёр у лоточника.

Конечно же, я хотела. Проглотила булку, почти не прожевав, и устала на Семёна.

– Дай ещё.

– А ты не охерела, а, проныра? Надо было не одеяло тырить, а жрачку!

Вот жлобина. А я ему еду таскала, когда встать не мог после побоев.

– Подавись, урод, – укуталась в одеяло и легла, пытаюсь унять дрожь.

Похоже, опять простуду подхватила. Знобило так, что зуб на зуб не попадал.

– Эй, Катюх, – Сенька толкнул меня в бок. – Не дуйся, слышь? Ну хочешь, я тебе ещё полбулки дам? А ты мне одеяла половинку.

Хотела его послать, да больно жрать хотелось. Осень выдалась какая-то нищая. В том смысле, что ещё хуже, чем раньше. Голодно и холодно.

Перочинным ножиком Сеньки разрезали одеяло на две части, а мне кроме булки ещё и кусок яблока перепал – это Сенька у старших своровал.

– Слушай, Катюх, может завтра в магаз новый махнём? Там, говорят, жратва прямо на прилавках лежит. Чего-нибудь да хапнем, а?

– Ты дурак? Хочешь, чтобы братки нас прикопали? Это их магазин вообще-то.

– Да не ссы! Пацаны туда ходили, там продавщица одна была и никаких братков! По быстрому нахватаемся и свалим, а?

Накрывшись с головой куском одеяла, ничего не ответила Сеньке, но задумалась. В желудке урчало и тошнило от голода. Ещё парочка таких дней и я точно ласты склею. А, была ни была! Поймают, так поймают! Может хоть пожрём. А там... Пусть отпинают.

– Ну что ты задрейфила, пошли! – обычно после этих Сенькиных слов нам с ним здорово влетает.

Не миновала трепка нас и в этот раз.

Как только зашли в магазин, сразу заурчали желудки. Запах свежего хлеба щекотал ноздри и у меня, кажется, потекли слюни.

– Глянь, там консервы! – ошарашенный Сенька ткнул пальцем в небольшую пирамидку из жестяных банок.

– Заткнись придурок! – треснула его по руке, опасаясь привлечь внимание кого-нибудь из длинной очереди, но там, похоже, людям не до нас было.

Шум, галдеж, какая-то ругань – все жрать хотят. А судя по количеству народа, пусть у каждого хоть по одному талону, продуктов всё равно на всех не хватит.

– Пошли, ближе к прилавку протиснемся, – Сенька рвался в бой, оно и понятно – со вчерашнего дня ни крошки во рту.

Да и вчера, в принципе, не особо перепало. Те несчастные

булки затерялись в растущих организмах и в туалет, пардон, сходить нечем.

– Нет, ты на шухере стой. Если что, шум поднимешь, отвлечёшь. А я сама туда проберусь.

Семён спорить не стал. Чем ближе к выходу, тем ему спокойнее. Да и пролезть под ногами у толпы он не сможет. Сенька в свои девятнадцать выглядел на двадцать за счёт роста. А вот я в восемнадцать, как ребёнок. Если кто и заметит, то примут за чью-нибудь дочь.

До прилавка добралась без всяких проблем и даже сумела заглянуть в коробку, что стояла аккуратно с краю. Вот-вот упадёт.

А в коробке...

Боже! Да это ж колбаса! Самая настоящая колбаса!

Несколько аппетитных, безумно вкусно пахнущих колбасок дожидались в коробке богачей, которые сегодня будут её жрать за обе щеки, в то время, как простой народ (я уже не говорю о нас, отбросах), будет картошкой давиться, да на талоны молиться. Эх, а нам с Сенькой и картошка бы в радость была.

К горлу подкатил ком. Настоящая колбаса... С ума сойти.

Один раз я уже видела этот деликатес. В приюте тогда мы с Сенькой были. Как сейчас помню... Новый год, ёлка какая-то облезлая, а мы иголки её отрываем и жрём. Голодные все, как волки. А в кабинете директора стол ломится. Розовощёкие воспитатели водку пьют, да колбаской с хлебушком

закусывают, а ещё банки с консервами да сыр... Я тогда в приоткрытую дверь ринулась да со стола хлеба кусок схватила, за то и получила увесистый подзатыльник. Так, что в стену влипла, сжимая тот кусочек.

Выгнали меня. Хлебушек отобрали и в спину вытолкали, мол, не мешай, соплячка новый год встречать. Нас потом, правда, накормили кашей. Склизкой такой, слипшейся в один комок. А мы и тому рады были. Но вот запах колбасы я запомнила, наверное, на всю жизнь.

И сейчас просто не смогла сдержаться. Огляделась по сторонам и, воспользовавшись трёпом толстой продавщицы с какой-то тёткой, потянула одно колечко колбасы. Причём это всё так быстро случилось, что я даже не успела сообразить, чего творю. И ведь могла же пару банок консерв схватить и уйти по-тихому. Нет, приспичило мне...

– Эй, ты что творишь, дрянь?! – продавщица всё же заметила и резко выкинула из-за прилавка руку, чтобы схватить меня.

Не тут-то было, корова отожранная!

Ловко ушла в сторону и бросилась к выходу, где Сенька уже распахнул дверь и вылетел на улицу. Вылетел и попал прямо в руки здорового мужика в спортивном костюме. Я не успела притормозить и меня подхватил второй такой же шкаф, только этот был в тёмном плаще. Братки, значит... Приподнял, держа за шиворот, и встряхнул.

– Не понял. Вы что тут, блядь, делаете, шпана? – и взгляд

на колбасу в моих руках переводит.

– А-а-а-а! Помогите-е-е! – Сенька заорал, как резаный и задёргавшись в руках бритоголового, попытался вырваться.

Не вышло. Уже в следующее мгновение лысый бросил его на землю и начал пинать ногами, а меня второй за грудки схватил с такой силой, что затрещала старая куртка.

– Воровать, значит, любим? – мужик с размаху заехал мне кулаком по лицу и этого, к счастью, хватило, чтобы я отрубилась.

Да, именно, к счастью. Потому как лучше лежать без сознания, пока тебя месят ногами, чем наслаждаться сим действием и всё чувствовать.

ГЛАВА 2

1992 год

Кто-то похлопал меня по щекам и я начала выныривать из тёмного провала.

– Эй ты! А ну на меня смотри!

Нет, не надо. Не хочу туда! Не хочу снова боль чувствовать! Дайте мне ещё чуть-чуть насладиться этой невесомостью, где не холодно, не голодно, где тихо и спокойно.

Но кому-то срочно потребовалось привести меня в чувство и я искренне надеялась, что очнусь и увижу маму. Свою любимую мамочку, что оставила меня на произвол судьбы и сбежала с каким-то мужиком за границу. Ту мамочку, что снилась мне в детдоме каждую ночь. Вот проснусь сейчас, а она меня завтракать позовет...

Не случилось. Открыла глаза и встретилась взглядом с тем самым братком в плаще. Тварина. Это он меня ударил.

Боль начала возвращаться, раздирая, истязая болью каждую клетку. Похоже, не ударил, а попрыгал на мне. Да так, что встать не смогу. Саднило лицо – видимо, там вырисовывается нехилый синячище. Болели ребра и бёдра – пинал, значит.

Меня схватили за шкварник и оторвали от холодной земли. Бандюк прищурился, сканируя меня своими буравчиками. Урод какой. Вся рожа в прыщах каких-то, угрях мерзопакостных, а туда же, плащик напялил.

– Серёг, смотри! Тут шмара! – сдернул мою дырявую шапку и схватил за волосы. – Нихуя себе, лохмы какие! Глянь!

Тот, который, судя по всему, Серёга, отошёл от лежащего в грязи, окровавленного Сеньки и пригляделся, гадко ухмыляясь. Сплюнул и схватил меня пятерней за лицо.

– Ты смотри какая. Если отмыть да вшей вывести может и согдится. Сопляка здесь оставим, а её можно Марго отправить, пусть отработывает.

Вот так вот за палку колбасы и попадают в рабство. Только мне совершенно не улыбалось угодить к той Марго, о которой толковали бандюки. Несколько девчонок из нашего детдома сбежали, чтобы попасть «на работу» к этой суке. И ни одну я больше не увидела. Вряд ли они уехали на отдых за границу. А если учесть, что Марго – это «мамка», крышующая шлюх и поставляющая их браткам пачками, то несложно

догадаться, что девчонок давно уже прикопали где-нибудь. И то, едва ли они потрудились, чтобы похоронить шлюх почеловечески. Скорее всего, выбросили на помойку.

Да и не хотелось мне шлюхой помирать. Всё-таки позорно это, хоть и модно. Ну не хочу я ноги перед всякими ублюдками раздвигать! Не шалава я по натуре. Так бы могла, конечно, хоть на жратву да какое-нибудь жильё подработать и, чего греха таить, проскакивала такая мысль пару раз, но так и не решилась.

Нет, я не хранила свою девственность. На кой-хер она кому нужна... Просто не пользовалась тем, что было, да и было-то не много. Сиськи не выросли толком, а о заднице и говорить нечего. Ещё пару дней такого голодняка и меня ветром унесёт.

Было, правда, разок с Сенькой. Но то так... Глупости. Пару раз зажимал он меня ночью. Понятное дело трахнуть хотел, да я не дала. Первый раз губу ему до крови прокусила, а второй – по яйцам зарядила. После этого Степан понял, что я не планирую с ним романтических отношений.

А тут Марго! Да я лучше с моста прыгну! Вены сама себе перегрызу!

– Отпусти, урод! – прошипела на братка и тут же застонала от боли в челюсти.

Похоже, пару зубов уже выплюнула.

– Заткнись, сучара! – мудака в плаще замахнулся на меня, но чей-то голос позади остановил его.

– А ты, я смотрю, приделся хорошо, да, Череп? Сразу человеком себя почувствовал? Авторитетом типа стал? – насмешливый тон подошедшего мужика вмиг остудил Черепа и тот растерянно заморгал.

– Басмач? А мы это... Ты ж сказал проверить, проверяем...

Так Череп у нас, оказывается, шестерка. Я злорадно улыбнулась разбитыми губами. Да уж, на кусок говна хоть что напялить – оно говном останется.

Серёга так тот вообще язык в жопу затянул, словно онемел. А братки боятся своего предводителя. Враз вся крутизна выветрилась. Это вам не беззащитных бродяг пинать.

Главарь, конечно, внушал страх. Причём не только своим шестеркам, но и мне. Здоровенный амбал в чёрном костюме, в длинном кожаном плаще и начищенных до блеска ботинках. А где же малиновый пиджак и золотая цепь? Тёмно-русые волосы аккуратно подстрижены, при галстукке. Модный весь этот бандюк, сразу видно, что не на побегушках, как эти.

Молча пялилась на него, раздумывая, то ли помощи попросить, то ли молча ждать. А вот Сеньку походу вырубили – не шелохнулся ни разу. Я очень надеялась, что вырубили...

– Я сказал тебе проверить продавщицу, а не малолеток трясти, – Басмач недобро глянул на меня своими серыми, насыщенными глазами, затем перевёл взгляд на Степана. – С пацаном что?

– Дак это... Они обворовали... Колбасу украли, – как до-

казательство Череп поднял колбаску, испачканную в грязи.

А плевать, я и так бы её жрала. С грязью. Тем более, что уже рассчиталась за неё своими зубами и, возможно, Сенькиным здоровьем.

– Вы чё, отморозки, за колбасу детей отметелили?! – главарь презрительно сплюнул и кивнул на Сеньку. – Пацана в травмпункт, – повернулся ко мне. – А малявку отпустить. И быстро, блядь, пошли товар разгрузили!

У страха глаза велики, но голод нихрена не тётка. Из последних сил вырвала колбасу из руки Черепа и, хромая уже на обе ноги, рванула за здание магазина.

Сеньки не было около недели и уже, честно говоря, думала, что не увижу его больше. Было жаль его. Мы с ним прожили вместе много голодных дней и хоть этот трус всегда бросал меня одну в каждой стрёмной ситуации, я его любила. Нет, не так, как принято любить среди нормальных людей. Если бы мне представилась возможность обменять его на тёплую постель и тарелку еды, я бы это сделала, даже не задумываясь. Но всё же он был мне дорог. Наверное, потому что спать одной холоднее.

Когда мой напарник объявился, я даже не узнала его. Весь скукоженный, в жутких гематомах и ссадинах он зашел в нашу «комнату» – так я называла уголок в хате, который нам выделили старшие.

Жили мы с бродягами, нариками и попрошайками, а по-

тому спали вполглаза. Не хотелось как-то подышать за кусок хлеба или одеяло, за которые запросто могли порешить. Разумеется, нас не за красивые глаза и не из жалости пустили в хату. Мы отстёгивали из своей «прибыли» старшим и всех всё устраивало. Правда, в последние дни, как известно, не очень хорошо шли дела, а вернее, дел не было вообще. Мы с Сенькой сидели на мели и, естественно, ничего не платили Пусе, как называла его сожительница, такая же сторчавшаяся наркоша, как и сам Пуся. Потому я и ожидала «гостей» с гвоздём в кармане дырявой куртки.

– А ну, нахрен отсюда пошел! – с трудом поднялась со своей подстилки (одеяло, кстати, уже своровали, гребаные уроды), и приготовилась драться.

Хотя, честно говоря, вообще не представляла, как выберусь из очередной передраги. Ребра так болели, что впору под поезд лечь, дабы прекратить страдания, а огромные синяки на ногах саднили, шага не сделать.

Если этот сморчок ударит, не встать мне больше.

Однако, он не торопился нападать и я понемногу начала различать в полутьме знакомые черты.

– Сенька, ты, что ли? – обрадовалась не то слово...

И не столько приходу Степана, сколько тому, что собственная шкура не пострадает.

– Я, бля, кто ж ещё-то? – прошепелявил и со стоном присел у лежанки. – Меня с больнички в ментовку хотели отправить. Еле свалил. Уж лучше обратно к Пидорку, чем на зону.

«Пидорком» называли директора детского дома, из которого мы с Сенькой сбежали несколько лет назад. И не потому, что он был другой ориентации, а потому что... пидор. Как ещё можно назвать сволочь, набивающую свои карманы деньгами, вырученными за детское питание.

– Как себя чувствуешь? – присела рядом, когда он улёгся и начала чесать ему спину.

Да, у каждого свои слабости... Мы, к примеру, чесали друг другу спины с малых лет. Хоть какая-то видимость комфорта и ласки.

– Хреново.

– Ну понятно... Жрать хочешь?

– Хочу.

– А чё, в больничке не накормили?

– Неа.

– Ладно, сейчас чего-нибудь притащу, – я поднялась на ноги, скрипя зубами и преодолевая адскую боль в ноге. – Есть у меня одна идейка...

Пора навестить магазин, где нам задолжали чуть больше, чем колечко колбасы.

С парадного входа в магазин заходить побоялась, а вот черный ход я заметила ещё неделю назад, когда сваливала от братков с несчастной колбасой в руке. Колбаса, кстати, была настолько вкусная, что я плакала, разжевывая последний кусок, не в силах его проглотить. Было жаль оттого, что знала

– в следующий раз поем нормально не скоро.

Всю неделю я подворовывала на рынке у бабулек и даже ни разу не попалась. Но сейчас, посмотрев на избитого Сеньку, почувствовала злость. Эти уроды чуть не убили нас за еду. Да, деликатес, но ведь мы люди! Бомжи, попрошайки, воры, но люди же! В отличие от этих братков никого не убиваем и не грабим. Максимум – можем кошелёк потянуть у какого-нибудь зеваки. Так нам же тоже кушать хочется. Не виноваты мы, что родителям не нужны оказались. Не виноваты, что в детдомах жрать нечего. Да и не нужны мы там. Когда сбежали с Сенькой, нас даже не искал никто. А сейчас уже поздно, совершеннолетние, а значит, государство выполнило свой долг.

И какое у нас будущее? Либо убьют, либо в тюрьгу, другого не дано. И какой смысл в таком случае жрать тухлятину по закоулкам, если можно разок попировать? Да и Сеньке сейчас не помогут те сморщенные морковки, что я воровала у бабок. Ему бы посерьёзнее чего. Хоть консерв бы стащить парочку.

– Давай, глубже бери, бля! – дверь оказалась приоткрытой, а за ней кто-то разговаривал. – Соси нормально, чё ты как целка?

Судя по голосу, мужик. Судя по его словам, там не до бдительности кому-то. Меня не пугал тот факт, что я могу увидеть, как кто-то кого-то трахает. Сто раз наблюдала подобную картину у нас на хате и как-то пофигу уже. Я больше

боялась, что увидят меня.

Тихонько подошла к двери и аккуратно заглянула вовнутрь. Как и ожидалось, один из уже знакомых братков насаживал рот молоденькой продавщицы на свой член, а та давилась, кряхтела и кашляла, но изо всех сил пыталась угодить Серёге, тому, что Семёна отпинал. Скотина. Он тут, понимаешь ли, наслаждается жизнью, а Сенька там синий весь да опухший лежит.

Переступила порог и замерла, прячась за вешалкой с куртками, от которых приятно пахло духами. Я бы прихватила с собой хоть одну, но на данный момент не до них. Мне бы еды раздобыть хоть чуточку, пока не окочурились с Сенькой.

Уловила момент, когда Серёга под чавкающие звуки у его ширинки запрокинул голову и, глухо застонав, закрыл глаза. То, что нужно! Прошмыгнула напрямик на склад (благо, дверь и там была открыта), и, выпучив глаза, захлебнулась слюной.

Столько еды в одном месте мне ещё не приходилось видеть. Вот тебе и голодная осень. Да братки тут обжираются, сволочи. И явно не по талонам. Обида вспыхнула во мне ещё ярче, ещё болезненнее стала обжигать изнутри.

Не уйду, пока не вынесу отсюда хоть пятую часть продуктов! Потянулась за консервами и через мгновение застыла с протянутой рукой, услышав знакомый голос.

– Тебе чё, блядь, сношаться негде?! А ты что встала? Быстро пошла работать! – этот стальной голос с хрипотцой я

запомнила ещё тогда, когда ждала своей участи в руках Черепя.

Главарь пожаловал.

ГЛАВА 3

1992 год

В голове вертелась лишь одна мысль – конец. Если меня здесь застукают, придётся очень несладко. Хотя, чего уж там... Пиздец будет. Этот браток мне голову снимет, а потом скажет, что я такая и пришла.

Отдышалась за пару секунд и, присев, спряталась за какой-то бочкой. Только бы не вошли сюда, только бы...

И конечно же, по закону подлости дверь скрипнула и слышались чьи-то тяжёлые шаги. Ну вот. Вот и капут. Судя по тяжести шагов, пришла не продавщица. Уж из её рук я бы как-нибудь да выскользнула, а вот кого покрепче мне не оттолкнуть и не напугать. И что самое хреновое, этот самый «покрепче» двигался в мою сторону.

– Бля, нихера не вижу! Серёг! Включи свет! – крикнул тот, которого называли «Басмач», а я, втянув голову в плечи, зажмурилась.

Ну всё, кранты.

Щёлкнул выключатель и на складе стало светло, как на улице.

– А где водка-то?! – снова завопил предводитель братков и, наткнувшись на моё убежище, громко заматерился. – Какой даун здесь эту бочку поставил?! О, а вот и она, водочка.

Я тихонечко выдохнула и почти расслабилась.

– Серёг, икру возьми и за мной! Отец гуляет сегодня! – отдал приказ, выходя из склада, но обо что-то споткнулся и, схватившись за бочку, удержался.

Он удержался, а бочка треклятая – нет. С грохотом на пол упала, а я вжалась в стену, вылупив глаза на бандюка.

– Опа, да у нас тут мышата завелись!

Меня отодрали от пола чьи-то ручищи и со всей дури впечатали в стену.

– Отпустите... Я тут... Случайно я здесь! Отпустите, а? – взглянула на бандита, что одной рукой прижимал меня к стене, а второй шарил по моим карманам.

Как же хорошо, что я ничего не успела своровать. Правда, шансов уйти отсюда целой всё равно маловато. Ничего не отыскав, Басмач прищурился, и приблизил своё лицо к моему.

– Кажется, я тебя где-то уже видел.

Ещё бы. Видел он. Да мы с Сенькой еле в живых остались после прошлой встречи с ним и его шестерками. А он за неделю уже и забыл. За это я и ненавижу людей. Жестокие, циничные твари, признающие только грубую силу.

– Ага. Видели. Мы колбасу у вас украли неделю назад. А ваши помощнички нас отметелили так, что мой друг до сих пор валяется. Наверное, колбаса того стоила, – хотя, кого я обманываю? Стоила.

Не знаю, откуда во мне взялось столько дерзости, чтобы

хамить братку, который в состоянии свернуть мне шею одной рукой. Наверное, разозлилась, что так и не смогу ничего утащить.

– А-а-а-а, точно! Помню, да. Так что, ты решила повторить подвиг? Не боишься, что придавлю тебя здесь? – долбанул меня о стенку и со стеллажа посыпались банки с консервами.

– Да плевать. Делайте что хотите, мне до лампочки уже, – в подтверждение моих слов громко заурчал желудок, а Басмач насмешливо хмыкнул.

– Есть хочешь, да?

Ясен пень хочу, что за вопросы? Не видно что ли по мне? В восемнадцать выгляжу на двенадцать, блин. Молча кивнула, настороженно поглядывая на Серёгу, что возник за спиной главного.

– Серый, эту вшивую ко мне на дачу, хорошо отмой и накорми. Я поехал.

Отпустил меня и, достав из кармана белоснежный носовой платок, брезгливо вытер пальцы, словно дерьмо в руке подержал. Подонок.

– А я уже не хочу есть! Передумала! – как-то совершенно не прельщала мысль, что меня увезут на какую-то бандитскую дачу, где братки моё худосочное тельце толпой иметь будут.

А иметь будут обязательно. Не верила я как-то, что накосят по доброте душевной и отпустят. Не те люди, да и нет

таких.

Как-то однажды девчонку с нашей хаты отловили такие же ублюдки, да оттрахали так, что еле доползла домой. На ней живого места не было в прямом смысле этого слова. Уже после того, как очухалась, спустя несколько дней, она рассказала, как братки драли её во все дыры, в рот члены один за другим пихали, а потом тушили об неё бычки. Девчонка, правда, и так подрабатывала проституцией, так что вряд ли её это сильно подкосило. А вот я как-то не планировала начинать карьеру бандитской шмары.

– Иди, давай! – Серега схватил меня за руку и потащил на улицу, где Басмач уже садился в свою навороченную черную тачку.

– Извините, слышите?! Я не буду больше! Отпустите! Ну пожалуйста! – вопила ему в след, а браток волочил меня в другую машину.

Тяпнула зубами его за руку и оцарапала своими погрызенными ногтями, за что получила неслабую оплеуху.

– Слушай сюда, шалашовка малолетняя! – дернул меня за грудки, притягивая к себе и морщась, видимо, от запаха моей куртки, побывавшей на каждой свалке города. – Утихни, а то я тебе нос сломаю в двух местах! – открыл дверцу машины и затолкал меня вовнутрь, как мешок с картошкой, при этом еще и больно пнув ногой в копчик.

Тачка тронулась, а я забилась в угол и, тихонько подвывая, оглядывалась по сторонам, силясь запомнить дорогу. Не

знаю, выберусь ли живой из этой передраги, но Сенька однозначно скопытится, ибо накормить его, кроме меня некому.

– А может отпустишь, а? – подползла к водительскому сидению спустя полчаса езды. – Я никому не скажу, честно-честно! А главному своему скажешь, что сбежала... А я, честное слово, больше никогда не появлюсь у вашего магазина. Отпустишь?

– Закрой хлебало и не беси меня! – рывкнул мудака, даже не поворачиваясь. – На хуй бы ты мне нужна была, блядь!

Я снова влипла в мягкую спинку сидения и, поджав губы, тихонько заревела. Серёга взглянул на меня в зеркало заднего вида и закатил глаза.

– Да не ной ты, бля. У Басмача сегодня сын родился, отмечать будут. Выебут разок-другой, накормят, ещё и денег дадут. Никто тебя убивать не будет.

Выебут разок-другой? Это он меня так успокоить решил?! С диким криком бросилась дергать ручки на двери, не опасаясь выпасть из машины на полном ходу. Лучше уж так, чем развлекать упившихся до поросычьего визга братков.

– Не старайся, не откроешь, – прозвучало, как приговор. – Засохни там, сказал.

Долбаный ублюдок тащил меня за шкварник, как половую тряпку, а я упиралась руками и ногами, дралась и норовила его укусить. Пару раз Серёга приложил меня об дверь и всё же затащил в помещение. Оглядевшись, я поняла, что

это баня.

Баня, блин!

Баня, где меня будут насиловать целой толпищей пьяных мужиков!

– Слушай, ну отпусти ты меня, а?! Прошу тебя, Серёг! Мне ж четырнадцать всего! Я не хочу, ну пожалуйста! – ломала ногти об стену, пытаюсь зацепиться, а проклятый бандюк тащил меня, скрипя зубами и приглушённо матерясь.

– Как же ты достала меня! Не могу я тебя отпустить, понимаешь, нет? Слово Басмача неоспоримо. Как он скажет, так и будет. Мой тебе совет: хочешь целой отсюда уйти – не кипишуй. Всё равно сделают, что захотят. Иди, там мыло, шампунь есть. Помойся хорошо. И учти! Я приду через час, проверю! Не отмоешься – сам отмою и тебе это, поверь, никуя не понравится! – затолкал меня в какое-то еле освещаемое помещение и захлопнул дверь.

Разумеется, все попытки открыть дверь пошли прахом, а окон я не обнаружила. Ну вот и всё. Вот и допрыгалась. Заперли в душевой комнате. Сейчас я грязь с себя смою, а потом можно будет и поразвлечься браткам...

От страха всё тело практически парализовало и только с мыслями, что скоро сюда придут, я заставила себя снять свои лохмотья и встать под душ.

Тело тут же отреагировало, покрывшись мурашками и расслабляясь, а я чуть не заревела от счастья. В последний раз мылась неделю назад и то, ледяной водой. У нас на хате

очередь на помывку была расписана на месяц вперёд, а о горячей воде давно никто не слышал. Можно, конечно, было выпросить у Пуси кипятильник, но он бы за это потребовал плату, а платить ни у меня, ни у Сеньки нечем.

Сейчас, согревшись под горячими струями, я думала, что, возможно, не все так плохо. Ну не звери же они, в конце концов. Не станут же малолетку насиловать?

Хотя, чего там не звери... Зверюги ведь братки. Особенно эти. Вспомнить только, как они нас с Семёном отлупили трезвые. А уж когда упьются, то и вовсе в животных превратятся.

Помылась я быстро, но тщательно. Не оттого, конечно, что чистенькой под бандитами лежать хотела, а чтобы не стыдно. Да, вот такая вот я странная... Как говорит, Сенька – с прибабахом. Казалось бы, бояться надо не грязной жопы, а того что поимеют и хрен знает, что ещё сотворят. А я боялась именно позора. До сих пор в ушах звенит его «вшивая». Не вшивая я! С детдома как сбежала ни разу вшей не заводила. Но для такого холеного ублюдка то конечно... Куда уж мне, чумазой, до него, ухоженного.

Помылась, вытерлась насухо большим полотенцем и, увидев стопку халатов, взяла один, надела. Аж голова закружилась от удовольствия. Надо бы шмотки свои старые, грязные надеть, чтобы касаться меня противно было, да рука не повернулась после такой помывочки. А тут ещё халат этот, мягонький, тепленький, махровый.

– Эй, ты там не утонула? – из распахнутой двери хлынули клубы пара, обволакивая Серёгу, которого я уже ненавидела всей душой. – О, помылась, на девку похожа стала, – изрёк, удивлённо вылупив на меня свои зенки. – Таковую можно и попользовать разок, – оглянулся куда-то назад и, шагнув в душевую, закрыл за собой дверь. – Ну-ка, сними халатик-то, посмотрю, какая ты чистенькая.

Ох, зря я намывалась. И шмотки вонючие зря не напялила.

ГЛАВА 4

1992 год

– Ну чё ты? Не бойся меня. Я ж только посмотреть, – наступал на меня, сверкая в полутьме безумными глазами, а мне хоть на стенку лезь.

Единственный выход отсюда за его спиной, отступить мне уже некуда – в стену упёрлась. А быть оттраханой этой обезьяной тупоголовой вот совершенно не хочется!

– Я бы на твоём месте не лезла, понял? – встала в позу, хоть и трясутся коленки.

– А что ты сделаешь? – мудачина расплылся в улыбке, как будто у него имеется пару десятков лишних зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.